

Чэнь Цуйхуа с радостной суетливостью привела Сун Нина во двор. Он мельком огляделся.

Двор был довольно просторный, огороженный невысоким бамбуковым забором. Внутри стояли три хижины с глинобитными стенами и соломенными крышами: одна — побольше, главная, и по одной с восточной и западной стороны.

По обеим сторонам двора тянулись аккуратные грядки. Стояла уже глубокая осень, и овощи на них пожелтели.

Сегодня как раз был день Шуанцзян — пора спускающихся заморозков.

Что именно здесь посажено, Сун Нин толком не знал: он узнал лишь перец да баклажаны, ещё одна грядка, должно быть, была с луком-цзюцай, а всё остальное ему было незнакомо.

Раньше он почти никакой работы не делал. Но с тех пор как в прошлом году умер отец, мачеха У Цайэ стала обращаться с ним как с прислугой.

Семья Сун жила в посёлке лучше, чем большинство: у них была небольшая лавка, где они торговали рисом и мукой, на столе три раза в день обязательно бывало мясное блюдо. Конечно, до богатых купцов им было далеко, но нужды они не знали. В те годы, когда в доме всё шло хорошо, даже Сун Нин несколько лет ходил в школу.

В доме держали ещё двух служанок, но после смерти отца Сун Нину тоже пришлось работать.

Он не умел ни стирать, ни готовить, поэтому прислуживал У Цайэ и её детям — Сун Баочжу и младшему брату. Он подавал чай, носил воду, подметал двор. Стоило только кому-нибудь из троих остаться недовольным — его тут же осыпали руганью с головы до ног. А прошлой зимой Сун Баочжу, невзлюбив его, велела стирать ей одежду в холодной воде — тогда у него все десять пальцев распухли и покраснели от мороза.

О еде и говорить не приходилось: ел один кукурузный хлебец, а иногда и его не давали. Он часто ходил голодным. Две старые служанки в доме ели куда лучше него; одна из них, по фамилии Чжан, тайком делилась с Сун Нином своей порцией — только благодаря этому его жизнь не казалась совсем уж невыносимой.

У Цайэ не смела притеснять двух служанок: они были наёмными работницами — не понравится здесь, уйдут в другой дом.

А он был "своим". Его можно было угнетать сколько угодно и У Цайэ не боялась, что он сбежит, ведь Сун Нину было некуда идти.

Этот дом хоть и выглядел небогатым, но был ухожен и чист. Стояла глубокая осень, а во дворе не было ни единого опавшего листочка. Глядя на аккуратный двор, Сун Нин почувствовал, как тревога в сердце немного отступает: может быть, здесь жить будет даже лучше, чем в доме Сун?

Он ещё осматривался, когда вдруг к нему стремглав бросилась чёрная борзая собака, тонкая и быстрая, заливаясь громким лаем.

Чэнь Цуйхуа тут же подскочила и несколько раз шлёпнула её:

«Хэй До нельзя лаять! Пошла прочь!»

Пёс внезапно налетел на Сун Нина, и тот, испугавшись, отшатнулся на несколько шагов назад. Лицо его мгновенно побелело, слёзы сами покатались из глаз.

Чэнь Цуйхуа всё это видела и с ещё большей злостью стукнула собаку по голове:

«Бесчувственная тварь! Своих же не узнаёт!»

Хэй До поскуливая, отбежала в сторону.

Чэнь Цуйхуа поспешила к Сун Нину, утешая его:

«Ничего, ничего... Это собака, твоего мужа, напугала тебя. Сейчас же привяжу её».

Сун Нин, с покрасневшими глазами, покачал головой:

«Н... ничего, всё в порядке».

Сердце у Чэнь Цуйхуа сжалось от жалости. Она взяла его за руку и повела в главную комнату:

«Сядь пока здесь. Я пойду привяжу Хэй До».

Сун Нин послушно кивнул. Чэнь Цуйхуа развернулась и вышла, отыскала верёвку и привязала Хэй До возле огорода.

Сидя в главной комнате, Сун Нин вытер слёзы. Сегодня он, по сути, был выдан замуж; на сердце и без того было беспокойно, а тут ещё, едва переступив порог, он пережил такой испуг — до сих пор внутри всё дрожало.

Со двора доносился голос Чэнь Цуйхуа: свекровь ещё пару раз отчитала чёрного пса. Сун Нин немного побаивался Чэнь Цуйхуа, считал её женщиной строгой и грозной, и боялся, как бы она не оказалась такой же, как мачеха У Цайэ.

Он украдкой осмотрелся. Это была главная хижина под соломенной крышей: посередине — небольшая общая комната, по бокам — по отдельной каморке.

Конечно, соломенный дом не мог сравниться с домом под синей черепицей: внутри было темновато, но прибрано и чисто. Обстановка была самой простой: квадратный стол, несколько длинных лавок, а на стене в общей комнате висел длинный лук.

Сун Нин вспомнил слова бабушки Чжан: она рассказывала, что У Цайэ подобрала ему жениха — деревенского охотника. Тогда, едва заговорив об этом доме, бабушка Чжан не удержалась от брани в адрес мачехи: родной отец умер всего год назад, а У Цайэ уже осмелилась так изводить пасынка, да ещё и выдала его за "погубителя жён".

Разве это не значит желать ему смерти?

Вспомнив отца, Сун Нин тогда разрыдался, а подумав о своей дальнейшей жизни, снова впал в тоску. Этот брак был не по его выбору; он лишь молил, чтобы новая семья оказалась самой обычной — лишь бы не били и не ругали.

Он сидел в общей комнате, робко, боясь лишний раз пошевелиться. Чэнь Цуйхуа вскоре вернулась, на лице у неё играла улыбка:

«Выпей сначала воды. Уже почти полдень, я пойду приготовлю обед. Не бойся, с этого дня мать

будет хорошо к тебе относиться».

Сун Нин ничего не ответил, только кивнул.

Лишь когда Чэнь Цуйхуа вышла, он осмелился взять стоявшую на столе чашку и сделал пару глотков.

Сегодня в доме Сун праздновали свадьбу, но не его — выдавали старшую сестру. Ему же вчера досталась всего половина кукурузного хлебца, а с утра он не выпил даже глотка воды.

В первый же день, когда новый фулан переступил порог, Чэнь Цуйхуа берегла его как зеницу ока. До него ведь так ни один жених из семьи Вэй и не успел войти в этот дом — всех унесла судьба раньше. Сун Нин был первым, кто действительно вошёл в её дом, и Чэнь Цуйхуа страшно боялась, как бы с ним чего не случилось. Потому сейчас она с радостью хлопотала у очага, готовя еду.

В деревенских семьях, когда в дом приходит новая невеста или новый фулан, кто же видел, чтобы готовила свекровь? Но Чэнь Цуйхуа знала, как мачеха изводила Сун Нина, и даже разжигать огонь его не позвала — сама проворно зачерпнула белой муки и принялась раскатывать лапшу.

Обычно они с Вэй Ху ели муку, смешанную с кукурузной, а сегодня взяла одну лишь муку. Даже свиного сала для жарки не пожалела — зачерпнула полную ложку. Как раз сегодня в лавке купили мяса, и она отрезала часть, чтобы приготовить.

В огороде она сорвала почти перезревшие баклажаны, обваляла их в муке и отправила в сковороду вместе с мясом. Стоило баклажанам с мясом подрумяниться, как можно было добавить воды, потом бросить лапшу, и блюдо будет готово.

Сун Нин робко сидел в главной комнате. Хотя он ещё ни разу не видел, как выглядит его муж, свекровь сейчас казалась ему человеком неплохим.

Он вспомнил, как тогда бабушка Чжан говорила: эта семья — охотники. А раз человек охотник, значит, не хилый — слабый охотником не станет. Может, это и правда хорошая партия? Во всяком случае, лучше, чем тот неблагодарный бедный книжник.

Почуввав доносящийся аромат мяса, Сун Нин сглотнул слюну. Он уже очень давно не ел мяса; в последний раз — когда бабушка Чжан принесла немного из дома, и он лишь благодаря ей попробовал несколько кусочков.

Бабушка Чжан проработала в его доме много лет. Она уже была в возрасте, силы у неё подходили к концу. Теперь и он сам вышел замуж — а значит, бабушка Чжан тоже ушла.

У Цайэ недолюбливала бабушку Чжан и знала, что та тайком помогает Сун Нину. Чжан была старожилом семьи Сун, и У Цайэ боялась выгнать её — люди бы заговорили. Сегодня бабушка Чжан проводила Сун Нина на свадьбу, и на этом их пути разошлись.

У Цайэ плохо обращалась с прислугой, и бабушка Чжан больше не хотела ей служить: вернувшись домой, она могла браться за мелкую работу и всё равно зарабатывать несколько медяков.

Стоило Сун Нину вспомнить о бабушке Чжан, как слёзы снова хлынули. Он не смел плакать вслух — только тихо всхлипывал, позволяя слезам беззвучно катиться по щекам.

Чэнь Цуйхуа радостно внесла в дом две большие миски свежей лапши — и тут же увидела, что маленький гер опять плачет. Она всплеснула руками:

«Ай-ай, моя хорошая невестка, ну что ты снова плачешь?»

Сун Нин, боясь вызвать недовольство, поспешно вытер слёзы тыльной стороной ладони.

Чэнь Цуйхуа поставила тяжёлые миски, вынула из-за пояса старенький, пожелтевший платок и бережно промокнула ему глаза:

«Ну всё, не плачь. Успокойся. Не бойся — твой муж здоровый, руки-ноги целы, и вовсе не какой-нибудь урод. С тех пор как ты вошёл в наш дом, никто тебя обижать не будет».

«Я... я по папе скучаю».

Это был первый раз, когда Чэнь Цуйхуа услышала, как говорит Сун Нин. Его голос был мягкий, тонкий, словно у крошечного котёнка. Чэнь Цуйхуа никогда не встречала такого хрупкого гера — в деревне и геры, и девицы обычно были простыми и бойкими.

Он тосковал по родному отцу... Но тут Чэнь Цуйхуа была бессильна: прошло всего год с его смерти — как же позволить ребёнку ещё раз увидеть отца?

Чэнь Цуйхуа снова вытерла Сун Нину слёзы, да не рассчитала силы — щёки у маленького гера тут же покраснели. Про себя она тихонько цокнула языком: ну и нежный же он, будто из тофу сделан.

«Ну всё, не плачь, не плачь, ладно».

Сун Нин кивнул:

«П-простите...»

«Ай да за что тут извиняться? Мы же теперь одна семья. Давай скорее есть, а то всё остынет».

Чэнь Цуйхуа придвинула к нему миску с лапшой. В доме давно уже не ели лапшу из чистой белой муки, да и мяса сегодня она положила в котёл щедро.

Сун Нин наплакался — глаза у него были красные. Он боялся, что в первый же день после свадьбы расплачется и его за это невлюбят, потому сдержал слёзы.

Он взял миску и начал есть маленькими глотками. Лапша была очень вкусной, да ещё и с мясом. После нескольких кусочков ему стало легче на душе, и тело понемногу согрелось.

Чэнь Цуйхуа даже переложила ему мясо из своей миски:

«Ешь давай. Я, между прочим, готовлю отменно».

Мяса Сун Нин не пробовал уже очень давно. Хотя ел он чуть поспешно, держался всё равно аккуратно и скромно. Чэнь Цуйхуа то и дело поглядывала на него: всё-таки городская семья — даже ест человек чинно, по-учёному.

Сама она накладывала лапшу в большие, грубые глиняные миски. В обычные дни съедала полторы таких, а её сын — и вовсе больше двух. Так что Сун Нину она щедро наложила полную миску.

Но Сун Нин осилил лишь половину и больше не мог. Боясь, что сочтут его привередой, он всё же продолжал есть понемногу. Чэнь Цуйхуа сразу всё поняла:

«Наелся?»

Сун Нин покраснел и кивнул:

«Б... больше не могу».

«Ничего страшного. Не влезает — оставь, вечером мать тебе подогреет».

А сама про себя подумала: что ж он так мало ест, меньше котёнка... Не иначе как в первый день стесняется — и лишний кусок в рот взять неловко.

Поев, Чэнь Цуйхуа проворно убрала посуду и не позволила Сун Нину помогать:

«Ты иди приляг. Сейчас в доме дел немного, теперь это твой дом. Западная комната — ваша с Вэй Ху, я ещё с утра застелила вам постель».

Стоило ей заговорить об этом, как лицо её расплылось в улыбке. Как только Вэй Ху вышел из дома, она тут же принялась хлопотать: достала из сундука два новых стёганые одеяла — их сшили ещё несколько лет назад, когда была помолвка, да так ни разу и не использовали. Теперь, когда в дом привели фулана, самое время было их достать.

Вчера, воспользовавшись хорошей погодой, она вынесла одеяла на солнце проветриться. Вэй Ху поинтересовался, зачем, а она лишь сказала, что боится сырости.

Чэнь Цуйхуа подтолкнула Сун Нина к западной комнате:

«Поспи немного»

Она боялась, что при ней Сун Нину будет неловко, поэтому, проводив его в комнату, сразу вышла.

Весь день улыбка не сходила с её лица: наконец-то её Ху-цзы женился. А там, глядишь, и внуков помянчить недолго.

Сун Нин увидел, что на кровати лежит новое одеяло, а на вешалке у изголовья висит мужская одежда — видно, это была комната охотника. Он не осмеливался ничего трогать, в сердце был страх. Сидел-сидел у края кровати — да так и прилёг на одеяло и заснул.

Выйдя, Чэнь Цуйхуа тоже не сидела без дела. Всё-таки сегодня день большой радости — как же не приготовить что-нибудь повкуснее? Она сорвала в огороде пару кочанов цайсиня, вымыла мясо и принялась рубить фарш. Со двора раздавался глухой стук ножа о разделочную доску.

Сун Нин уже несколько дней подряд плохо спал после того, как узнал о своей свадьбе, и теперь даже этот шум его не разбудил — он крепко спал, уткнувшись в одеяло.

Новость о том, что семья Вэй взяла в дом гера, всего за полдня облетела всю деревню.

Второй посев уже давно был сделан, работы в полях не осталось, и люди как раз сидели без дела. Услышав, что у Вэй появился новый фулан, многим хотелось посмотреть на диковинку.

<http://bllate.org/book/15163/1340017>